

ЭВЕНКИЙСКИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН *ЛАМУ* МОРЕ' В РУССКИХ СИБИРСКИХ ДОКУМЕНТАХ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Зафиксированные русскими документами XVI-XVII и начала XVIII вв. и связанные с открытием и исследованием территории России к востоку от Енисея, слова многих языков народов Сибири представляют собой интересный материал для филологических исследований. Одно из направлений его изучения - это анализ лексики конкретных языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Основную массу языкового материала, извлекаемого из документов, написанных на русском языке, составляет ономастика (личные имена, топонимы, этнонимы), которая до сих пор не была предметом специальных лингвистических исследований ни для тунгусо-маньчжурских, ни для самодийских, ни для тюркских, ни для палеоазиатских языков. В анализе этого материала выявляется группа специальных проблем, связанных с соотношением имен собственных и нарицательных и взаимодействия разных разрядов имен собственных в тексте, что уже было предметом нашей специальной работы [Бурькин, 1999]. Однако, не меньший интерес представляют и географические термины, или географические апеллативы, довольно часто встречающиеся в письменных источниках указанного времени и почти всегда принимаемые по контексту за топонимы - названия конкретных географических объектов. Второе направление в изучении иноязычных элементов в сибирских документах XVI-начала XVIII веков - это филологический анализ текстов и их интерпретация в соответствии с нашими знаниями о языках народов Сибири и умением читать тексты с иноязычными словами. Именно филологический анализ документов довольно часто позволяет правильно понять их содержание, извлечь из хорошо известных источников новую информацию и в ряде случаев исправить ошибки в прочтении документов или их интерпретации.

Настоящая работа посвящена эвенкийскому слову *ламу* «море», которое встречается в адаптированной русским языком форме *Лама* в некоторых документах середины XVII вв., относящихся к трем разным регионам Восточной Сибири - озеру Байкал, Арктическому побережью в междуречье Анабара и Колымы и побережью Тихого океана.

I. Лама - название озера Байкал. Один из документов, в которых слово *Ламу* выступает как название озера Байкал - это «Чертежная роспись притоков реки Лены..., и про Ламу, и про иные реки» датированная 1640-1641 гг. В этой «Росписи» слово Ламу как название озера Байкал встречается несколько раз: тунгус-информатор сказывал,»В прошлом де во 148 (=1640) году летом ходят по Ламе в судах русские люди казаки» [Открытия, 1951.С 108];"ВКулен-

ской вершине дорога на Ламу, а Ламу называют брацкие люди Байкалом озером" [Открытия, 1951. С 108]; "А течет Лена река вершина ис ключей, а подошла та вершина ленская к Ламе блиско. А на Ламе и по Байкалу живут неясашные тунгусы кумкагири и чилкагири, а иных родов много... А на другой стороне Ламы живут брацкие ж люди, конные, а тунгусы олennые, а от тех де брацких людей в правую сторону по Байкалу к енисейской вершине живут люди точали, скотные. А Енисей река которую называют Тунгускою и Ангарию, вышла из Байкала озера" [Открытия, 1951. С 109].

Данный документ является исключительно ценным источником, так как он содержит некоторые детали, позволяющие нам очень надежно установить, какой именно географический объект назывался Ламу и что послужило причиной такого наименования озера Байкал, называемого также и своим современным именем.

Из приведенных цитат становится понятным, что словом *ламу* в нем называлось как собственно озеро Байкал, так и та часть его северо-восточного побережья, которая примыкает к истокам Лены. Что касается противоположного берега озера, то оно называется или «на другой стороне Ламы» (здесь за точку отсчета принято северо-восточное побережье), или «в правую сторону по Байкалу» (там, где речь идет о юго-западном берегу озера и истоке Ангара). Становится понятным, что в данном документе так или иначе, хотя и не вполне последовательно, отражена этническая дифференциация населения берегов Байкала. Часть его побережья, расположенная вблизи истоков Лены и заселенная эвенками (тунгусами), именуется по-эвенкийски Ламу «море», другие участки побережья, в первую очередь южный берег и часть побережья у истоков Ангара именуется по-бурятски «Байкал».

То, что наименование озера Байкал «Ламу», т.е. «море», было услышано казаками от эвенков, причем по пути вверх по Лене от среднего течения к ее истокам, совершенно закономерно. В связи с этим любопытно отметить, что в другом документе, относящемся к тому же времени - в «Чертежной росписи речных путей от Енисейского острога» 1640-1641 гг., описывающей путь вверх по Енисею и Ангаре название «Лама» отсутствует, и озеро Байкал названо своим современным именем [Открытия, 1951. С 112]. Это обстоятельство становится понятным: в тех местах побережья озера, куда можно попасть, двигаясь вверх по Ангаре, очевидно, эвенки в тот период не жили.

Таким образом, наименование «Лама», отмеченное в «Чертежной росписи притоков реки Лены...» относится не столько ко всему озеру Байкал, сколько к его северо-восточной части, где жили эвенки. При этом эвенки-информаторы составители «Чертежной росписи...», по-видимому, знали и бурятское наименование озера - Байкал. При этом едва ли слово *ламу* «море» из их родного языка было для этих эвенков именем озера и вообще именем собственным - скорее всего, оно использовалось как географический термин, употребление которого устойчиво связывалось с ареалом проживания

эвенков и который не распространялся на территории возле побережья, занятые их соседями-бурятами.

II. Лама - Северный Ледовитый океан. Данное значение рассматриваемого термина, как явствует из анализа документов, оказывается далеко не очевидным и само употребление этого слова в документах, повествующих об исследовании рек, впадающих в Ледовитый океан, вызывало у историков географии весьма странную недоуменную реакцию. Однако мы не только имеем возможность надежно соотнести наименование Ламу, Лама с Северным Ледовитым океаном или реками, впадающими в море Лаптевых и Восточно-Сибирское море, но также и понять причины появления такого наименования, а заодно и объяснить таинственное появление дублетного названия у одной из рек, впадающих в Ледовитый океан - Индигирки.

Наименование Ламу применительно к Ледовитому океану впервые отмечается в 1638 г. в челобитной Елисея Бузы, где он говорит, что за три года до того, в 1635-1636 гг., просился «для прииску новых землиц и твоего государева яшашнова збору на Сивирюй и на Ламу, по иным сторонним ленским рекам, которые своим устьем в море пали» [Открытия, 1951. С. 96]. В 1640 г. ему была выдана наказная память «на Ламу, в левую сторону до Оленки [реки Оленек - А.Б.]» [Дополнения, 1846. Т. 2. С. 240]. Этот документ важен тем, что понятие «Лама» распространялось и на реки, впадающие в Ледовитый Океан западнее устья Лены.

В 1640 г. якутский воевода П. Головин докладывал: «А в роспросе он Пронька... сказал, ходил де он с енисейские десятником с Елескою Бузою по морю для проведывания Ламы реки и иных падучих рек в море...» [Открытия, 1951. С. 102].

Объяснение слова *Ламу* как «реки, которые своим устьем в море пали», содержащееся в цитированной выше челобитной Елисея Бузы, настолько точно, что оно вполне может быть включено даже в современный словарь эвенкийского языка при переводе этого слова на русский язык. Эвенкийское слово *ламу*, кроме значения «море», обозначает также реку, впадающую в море. Однако в документах XVII в., и в особенности в позднейших комментариях к ним, составленных историками и географами, в общем-то вопреки частоте Употребления, содержанию документов и их территориальной отнесенности, слово *ламу* очень рано стало ассоциироваться с названием одной из рек - с названием реки Охоты, которая находится в совсем другом месте - на Тихоокеанском побережье. Отсюда ремарка в комментарии к одному из документов: «Ламой казаки называли реку Охоту» [Русские мореходы, 1952. С. 42]. Таким образом, слово Ламу послужило общим названием для всех рек, впадающих в Ледовитый океан восточнее Лены (на что ранее не обращалось внимания), а также рек, впадающих в Тихий океан в районе нынешнего Охотска (что хорошо известно). Известно также, что в бассейне Лены, и в районах, прилегающих к Охотскому побережью, несколько столетий назад проживали

эвенки. Однако существенно отметить, что наименование местных тунгусо-говорящих жителей "ламутки" встречается не только в Приохотье, но и в Северной Якутии. Вот как выглядел путь на Индигирку по отписке воеводы П. Головина 1640 (7149) г.: «...он, Посничко, стоварышы з 20-ю с 7-ю человеки пошел коньми с Янги реки вверх по Толстаку реке [современный Тастах, по-якутски "каменистый, каменистая река. - А.Б.] на Индигерскую реку в *юкагирскую* землицу. И шел де, государь, он по Толстаку и через хрепты до Индигерские вершины многими неясачными *тунгусами ламутками* по Индигерской реке вниз до *юкагирской* землицы 4 недели» [Открытия, 1951. С. 100; Русские мореходы, 1952. С. 37]. Далее в документе упоминается уже не «Индигерская река», а «Индигерь»: «И в Индигерь же, государь, реку многие реки впади» [Открытия, 1951. С. 101; Русские мореходы, 1952. С. 36-37].

Река Индигирка с 40-х годов XVII века имела иное название - Собачья. Название Собачья появилось довольно рано - в челобитной Богдана Евдокимова и Петра Иванова 1644 г. говорится: «Да в прошлом, государь, в 149(1641) году Енисейской пятидесятник Федор Чюрка ходил по морю с многими промышленными людьми искать тою Собачью реку» [Русские мореходы, 1952. С. 42]. Как можно проследить по известным документам, это название употреблялось применительно к Индигирке примерно до 80-х годов XVII в.

Итак, нам известно, что путь к устью Индигирки, где жили юкагиры, лежал через земли, заселенные эвенками. Эвенкийское слово *ламу* «море; река, впадающая в море» оказывается очень созвучным с юкагирским словом *ла-амэ* «собака» (нижнеколымский диалект). Таким образом, происхождение старого русского названия Индигирки «Собачья» становится вполне объяснимым: вероятнее всего, оно возникло из-за смешения двух слов - эвенкийского *ламу* «море», "река, впадающая в море" и юкагирского *лаамэ* «собака».

В связи со всем сказанным здесь, весьма интересным выглядит сходство юкагирского слова *лавйэ* "вода, водное пространство" с эвенкийским словом *ламу* «море». Едва ли это сходство случайно, но пока такие тунгусско-юкагирские лексические совпадения являются труднообъяснимыми. Ради справедливости надо указать на то, что тунгусо-маньчжурское слово *ламу* "море" не имеет параллелей ни в монгольских, ни в тюркских языках и вполне может быть заимствованным от соседей тунгусов-юкагиров вне зависимости от того, каковы истинные родственные связи этого "палеоазиатского" языка.

III. Ламу - название Охотского моря. Слова *Ламу*, *Лама* как название Охотского моря, пожалуй, лучше всего знакомы историкам географических открытий на Дальнем Востоке. Документы, содержащие это наименование, много раз рассматривались в литературе под самыми разными углами зрения. Например, в приговоре Якутской ясачной избы о выдаче жалования, датированном 3 августа 7149 (1641) г., говорится: «... в прошлом в 145 (7145 = 1637) году посылал его Ивашка (служивого человека Ивана Онисимова) с Алдану из Бутальского атаман Дмитрей Копылов на государеву службу с

Ывашком Москвитиным на Ламу для прииску новых землиц... и на Ламе они были без государева жалованья...» [Открытия, 1951. С. 119; Степанов, 1959. С. 186]. Принято считать, что датой открытия Тихоокеанского побережья является 1639 г., а указание на 1637 г. - несомненная ошибка, [Степанов, 1959. С. 187, 248 прим.42; Полевой 1979].

Другой документ, содержащий наименование Ламу - это рассказ одного из первооткрывателей тихоокеанского побережья, участника похода отряда Ивана Москвитина, Нехорошко Иванова Колобова: «В прошлом де во 147 (7147= 1638-1639 г.) с Алдана реки из Бутальского острожку посылал на государеву службу томской атаман Дмитрией Копылов томских служилых людей Ивашка Юрьева сына Москвитина да их, казаков, с ним 30 человек, на Большое море Океян, по тунгускому языку - на Ламу. А шли они Алданом до Майи реки вниз восмеры сутки. А Маею рекою шли вверх до волоку 7 недель, а из Майи реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли 7 ден. А волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью, на вершину. Да тою Ульем рекою шли вниз стругом, плыли восмеры сутки. И на той же Улье реки, зделав лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она пала в море, пятеры сутки. Да они ж де ис того острожку ходили морем на Охоту реку трои сутки, а от Охоты до Ураку одне сутки...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 68-69].

Обширная территория, лежащая к северу от рек Ульи, Охоты и Кухтуя, осваивалась постепенно в течение довольно продолжительного времени - в конце 40-х начале 50-х годов XVII в. Андрей Булыгин в 1655 г. показывал: «В прошлом во 161 (7161=1653 г.) по государеву указу и по вашей наказной памяти послан я, Ондрюшка, з государевыми служилыми людьми на государеву дальнюю службу на Ламу на большое море-акиян, на Улью, и на Охоту, и на Нию, и на Мотыклей реки... Да в нынешнем же, во 163 году (1655) генваря в 10 день по государеву указу с Охоты реки из ясачного острожку ходил я, Ондрюшка, на государеву службу с служилыми людьми зимним путем на нартах на новые сторонние реки на неясачных людей на Улбей и на Нию... Да в нынешнем же, во 163 году на государеве службе вверх по Охоте, и на Ураке, и на Ульбе, и на Ине реках вновь аманатов изымал...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 80-82].

Уже казаки из отряда Ивана Москвитина, которым по праву принадлежит честь первооткрывателей Тихоокеанского побережья, смогли составить очень содержательный документ: «Роспись рекам и имяна людям, на которой реке которые люди живут, тунгуские роды...» Эта роспись имеет точную дату - она составлена 20 ноября 1639 г. Приведем ее наиболее важные фрагменты: «Река Мая, а в нее реки пали сторонные, а по тем рекам живут тунгусы, река Чабча пала в Маю, река Юнома (Юдома) пала в Маю с левую руку, через ее кочуют оленные люди тунгусы, ламские мужики озьянканы; река Аим пала в Маю с правую сторону, а по ней кочуют оленные люди тунгусы, долганы и лалкагиры; река Маймакан пала в Маю с правую сторону, а по ней живут оленные

люди тунгусы и кочуют с Ламы маймаканцы, река Уй пала в Маю с правую сторону, а на ней живут тунгусы многие, оленные люди, макачирцы и долгирцы, и гулюгирцы, и чолкогирцы, и кутугирцы; да в тое ж реку пала речка с левую сторону Кутага, а по ней живут оленные люди лалкачирцы (лалкагирцы) и озяны, мужики ламские; река подволошная Нюдма пала в Маю с правую сторону, ходу по ней 6 дней, и с тое реки переходят на ламские воды, на речки, на вершины; река за волоком Улья, пала устьем в Ламу, на вершине тое реки живут оленные люди тунгусы, озяны, а на усть тое реки сидячие люди озянканы, а ездят оне на собаках, и по тое реке выплыв на Ламу.

И по Ламе из под северной страны пали реки в Ламу: река Урака пала устьем в Ламу, а по ней живут оленные люди, те ж тунгусы, род Бояшинской; река Охота пала в Ламу, а по ней живут тунгусы многие, на усть тое реки орда сидячая, шолганы, а вверх по той реке Охоте живут люди оленные, род Киланской, род Горбиканской, род Шолюнской, род Унгатагирской, род Тумучерской, и иные приходят на ту реку для корма рыбново, что та река рыбою рыбна, и в тех родах и в их улусах человек по 100 и по 150 и на той реке люди воисты, боем своим жестоки; река Кукты пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, озяны и готнинканы, и в тех родах и в улусах человек по 100 и 200; река Улкондон устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, улбиданцы; река Инга устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, инганцы, Река Тоуй устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, товуданы, и уяганы, и выяканы, и огочолы.

В полуденную сторону которые реки в Ламу устьем пали: река Тюкчи устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, чавьуралы, а против тое реки устья стоит на море в голомени остров каменной... Река Аллыма устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, чюлюгилцы; река Уда пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные люди бирарытегова роду [эвенк. *бирар тэгэ* 'род Бирар - А.Б.'], сказывают до 300, и те люди торгуют с сидячими людьми...» [Степанов, 1959. С. 189-190].

Во всех цитированных здесь источниках значение наименования Ламу однозначно — это "Большое море Океян", точнее - Охотское море. Показательно, что географическая определенность понятия Ламу в документах, относящихся к открытиям на Тихоокеанском побережье, значительно более велика, а значение названия Ламу точно соответствует семантике этого слова в эвенкийском языке. Чрезвычайно интересно, что приведенная выше комментаторская ремарка "Ламой казаки называли реку Охоту» не имеет достоверных соответствий в проанализированных источниках, и, таким образом, должна быть отнесена на счет издательской фантазии. Река Охота, как мы видим, именуется в источниках 40-х годов XVII в. своим собственным именем, которое несколько не изменило своего облика за минувшие 350 лет, и в документах прямо указывается, что «Охота пала в Ламу», т. е. в Охотское море, куда впадают и другие названные там же реки.

Во всех рассмотренных нами документах географическая отнесенность объекта, именуемого *Ламу*, *Лама* достаточно определена в силу того, что сами документы освещают весьма ограниченный ареал - часть побережья озера Байкал, местности, прилегающие к побережью Северного Ледовитого океана или Охотское море. Однако в некоторых документах, там, где объединяются сведения из разных первоисточников с разных территорий Сибири, наименование *Ламу* употребляется по крайней мере в двух разных значениях. Один из таких документов - отписка якутского воеводы П. Головина, датированная 1641 г. В ней среди сведений, относящихся к открытиям в Приамурье, говорится: «а Шилка де, государь, пала в Ламу, а Ламу де, государь, они называют морем» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С 65]. Далее в том же документе рассказывается о походе к верховьям Лены, и в нем мы читаем следующее: «Житье же, государь, тех тунгусов на другой Ангаре реке, которая пала устьем в Ламу. А подле Ламу живут брацкие люди, а по Ангаре живут тунгусы киндигири» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С 66]. Географическая неопределенность наименования Ангара и его повторяемость не должна смущать: скорее всего, мы встречаемся еще с одним географическим апеллятивом, который созвучен с известным и ныне гидронимом Ангара, обозначающим реку, вытекающую из Байкала - эвенское слово *он»ар* имеет значение «оленье коповище, место, где олени добывали мох», и оно приложимо к любому месту, где жили тунгусы-оленоводы. У читателей подобного документа повторяющиеся географические апеллятивы, относящиеся к совершенно разным объектам, могли не только создавать иллюзию того, что они являются именами собственными, но и заставлять их думать, что во всех случаях употребления таких апеллятивов речь идет об одном и том же объекте - в частности, о море. Как в такого рода коллизиях разбирались московские читатели воеводских отписок в середине XVII в. - мы не знаем. Зато нам доподлинно известно, что при издании этих документов в середине XX в. географический кругозор жителей отдельных мест Сибири - подлинных первооткрывателей неведомых земель, и географические знания местной администрации были довольно серьезно искажены. Во введении к одному из сборников документов по истории географических открытий повторение одних и тех же географических апеллятивов, значение которых было хорошо известно составителям первоисточников, объясняется как несовершенство географических знаний того времени. В этой книге мы встречаем следующие рассуждения: «Так, в расспросных речах «брацких людей» сообщается о том, что Байкал и Ламское море - это одно и то же, это «море» Байкал соединяется «протокою» с океаном. Такого рода несоответствия фактическому положению вещей в расспросных речах встречаются часто [Открытия, 1951. С. 7]. То, что Байкал и «Ламское море» - это одно и то же, не нуждается в обоснованиях, первое название хорошо известного озера происходит из бурятского языка, второе - из эвенкийского. Каким образом в расспросных речах бурят или

тунгусов, живущих не так уж далеко от центра Азии, мог быть упомянутым океан – на это никто не обратил внимание, между тем это явное свидетельство искажения адекватной информации «расспросных речей» в позднейшей их интерпретации, Впрочем, если считать «протокой» реки Ангара и Енисей (а по представлениям XVII в. – только Енисей, поскольку считалось что он берет начало из Байкала, см. выше), то никаких искажений географической реальности наблюдаться уже не будет, так как наименование Ламу было приложимо и к Северному Ледовитому океану.

В заключение необходимо сформулировать вывод, имеющий важное методическое значение при изучении исторических документов и карт XVII-XVIII вв. для извлечения исторической или географической информации. Каждое название того или иного географического объекта, как имя собственное, так и имя нарицательное, которое может встретиться в таких источниках, имеет строго определенную языковую принадлежность и определенное значение в лексической системе того языка, к которому оно восходит. Без учета языковой принадлежности географических названий и их значений, и в особенности без учета системы географических апеллятивов – обозначений основных форм рельефа суши и видов водоемов – отождествление имен объектов и тем более отождествление самих объектов со сведением всех похожих наименований к одному и тому же объекту на местности или карте неизбежно порождает целые системы географических и этнографических ошибок, на устранение которых в науке уходят десятилетия. При этом восстановить статус-кво в исторической географии могут только представители смежных наук: либо этнографы, владеющие языками изучаемых народов, либо лингвисты-сибиреведы, читающие исторические источники.

ЛИТЕРАТУРА

Бурькин А.А. Этнос, ландшафт, имя (историко-этнографические аспекты изучения ономастического пространства региона) // Этнос, ландшафт, культура: Материалы конф. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 108-113.

Дополнения к актам историческим. Т. 2. СПб., 1846.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии / Сост. Н.С. Орлова. М., 1951.

Полевой Б.П. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан // Страны и народы Востока. Вып. XX. М., 1979. С. 93-96.

Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах / Сост. М.И. Белов. М., 1952.

Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // Ученые записки ЛГПИ имени А.И. Герцена. Том 188. Исторические науки. Л., 1959.